

Три письма к Н.В. Гоголю

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 Три письма к Н.В. Гоголю / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 264 с.

ISBN 978-5-518-09251-8

ISBN 978-5-518-09251-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ніа того благословеннаго берега истины, къ которому Гоголь стремился всей душой, который видѣлъ онъ съ восторгомъ, но къ которому въ нравственномъ его одиночествѣ трудно было ему благоуспѣшно пристать и прикрѣшиться, представляются современной мысли, большею частію, прежнія затрудненія и препятствія Эти затрудненія и препятствія состоятъ въ томъ, что въ однихъ много духовно-живаго и истиннаго, стѣдовательно Христова, уже есть и раскрывается, только болѣе или менѣе безсознательно, какъ было въ Гоголѣ, во время его могущественнаго и свободнаго творчества; а въ другихъ духовное сознаніе истины въ одномъ Христѣ связывается какою то рабскою страшливостію и безпощадностію относительно всего, не носящаго открыто печати Христовой, какъ и это отчасти испытавъ покойный въ послѣднее время жизни. Потому какъ для способствованія къ лучшему понятію о самомъ Гоголѣ, такъ и по желанію послужить общему дѣлу уясненія истины, въ современныхъ затрудненіяхъ мысли, представляется и нынѣ не позднимъ и не излишнимъ изданіе трехъ, такъ названныхъ мною, писемъ къ Гоголю.

Ему самому были читаны изъ этихъ писемъ только нѣкоторые коротенькіе отрывки, по черновымъ листамъ. Замѣчательное въ его рѣчахъ, или ближе относящееся къ предмету писемъ, отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ подъ чертою.

«Но зачѣмъ духовному человѣку вмѣшиваться въ дѣла и запутанности мысли и литературы свѣтской? что общаго у богословской точки зрѣнія съ мірскимъ словомъ?» На подобныя возраженія (которыя приходилось мнѣ слышать и при самомъ изученіи Гоголя) прежде всего хочется рассказать одинъ случай, касающійся также Гоголя.

Ему случилось быть въ одномъ изъ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Студенты пришли его съ восторгомъ. И когда при этомъ высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствіе возбуждаетъ онъ къ себѣ тою благородною открытостію, съ которою онъ держится въ своемъ дѣлѣ Христа и Его истины; то покойный замѣтилъ на это просто: «чтожь? Мы всѣ

работаемъ у одного Хозяина.» И такъ вотъ и свѣтскій человѣкъ не хотѣлъ отдѣлать своего дѣла отъ благодатнаго владычества Христова; тѣмъ болѣе служителю Христовой благодати свойственно и должно служить распространенію благодатнаго освѣщенія на все, сколько возможно. Настоящая богословская точка зрѣнія—смотреть на все на основаніи и по духу Христа Бога Слова, Который создалъ и носитъ всяческая глаголомъ силы своея, содѣлался человѣкомъ для спасенія всего человѣческаго отъ заблужденій и грѣховъ, вина которыхъ Имъ же взята на Себя и понесена до крестной смерти, Который, такимъ образомъ, сіяетъ на всѣхъ и на все любовью своею, упраздняющею аю и изъ смерти изводящую жизнь.

Притомъ, мнѣ лично извѣстенъ одинъ человѣкъ, который чрезвычайную духовную пользу, относящуюся именно къ богословскому его образованію, получалъ отъ свѣтскаго писателя, извѣстнаго притомъ направленіемъ, со всѣмъ повидимому противоположнымъ и Гоголевскому, какъ это послѣднее выражено въ выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки Гоголя. «Когда во мнѣ, говорилъ этотъ человѣкъ, только-что возбуждалась самостоятельная мысль, я любилъ читать въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи, относящіяся къ критикѣ, писанныя покойнымъ Бѣлинскимъ. Само собою разумѣется, что настоящаго значенія его мыслей я не понималъ, или лучше понималъ ихъ по своему. Извѣстно, что онъ иногда въ развитіи своихъ мыслей цитовалъ тексты изъ Св. писанія. Онъ давалъ этимъ текстамъ свою мысль, а я понималъ ихъ въ ихъ надлежащемъ значеніи, и соотвѣтственно этому понималъ и всю его рѣчь. И потому выходило, что слѣдя систему его мыслей, извращающую Христову истину, а въ своемъ умѣ развивалъ живую систему самой Христовой истины. И сколько, помню, радостей было у меня, что вотъ наконецъ взялись люди за умъ углубляться въ премудрость Божию и раскрывать ея свѣтъ для всякихъ дѣлъ! Я обманывался; но, благодаря именно такому чтенію Бѣлинскаго, мысль моя довольно развилась и обрѣгла въ свѣтломъ, живомъ и отчетливомъ направленіи Вѣры. Добрая слѣдствія этого для меня вышли самыя неоцѣвныя. Съ одной

стороннѣ я уже никакъ неоставался на одной буквѣ текстовъ, изучаемыхъ въ богословскихъ наукахъ; ужъ мой, вѣрный направленію Вѣры, всегда стремился входить въ самую силу догматовъ, и Святые Отцы для меня были авторитетами живой, обнимающей въ высшихъ своихъ представителяхъ (1) все современное имъ образованіе, мысли Вѣры. Съ другой стороны, когда, случалось, слышать и изучать ту или другую науку по началамъ новѣйшей философіи, ужъ мой всегда работалъ на возведеніи этой науки и ея началъ къ истинѣ Христовой, какъ это было у меня (только не такъ сознательно) и при чтеніи Бѣлинскаго. Мысль моя такъ настроилась, что безотчетно не поддавалась въ наукѣ никому и ничему, обращая все въ разумное по вѣрѣ служеніе Христу. Рим. XII, 1. После этого, какъ же я могу смотрѣть и на свѣтскую литературу, какъ стороннюю и чужую для моего богословскаго образованія? Напротивъ по собственному моему опыту вижу, что иное направленіе мысли и слова, и не признавая открытымъ образомъ Христа своимъ начальникомъ, тѣмъ не менѣе можетъ находиться подъ Его же незримымъ водительствомъ и благоуправляема Имъ на прямую пользу вѣры и любви къ Христовой истинѣ, подобно язычнику Киру, освободившему Израиля отъ вавилонскаго плѣна. Ис. XLV, 1-5. Такъ то говоритъ перѣдко этотъ близкій ко мнѣ челоуѣкъ, и знаю, что онъ говоритъ совершенную правду. Во всякомъ случаѣ, на возможныхъ преребаніи о мнимои несовмѣстности живаго вниманія къ свѣтскому слову съ богословскимъ образованіемъ на цомпо видѣніе св. Апостола Петра, указывавшее на призваніе ко Христу языческаго міра. Петръ въ восхищеніи духа видѣлъ, что изъ отверстаго неба спустилась предъ нимъ какъ будто плащаница, въ которой были *всѣ четвероногая земля и змѣи и гады и ишныи небесныя*. Петру сказано было при семъ: *востаеи захоли и лжедъ*; и когда Апостолъ находилъ это не совмѣстнымъ съ возрѣніями Вѣтхозавѣтнаго Богословія, то ему былъ гласъ уже Новозавѣтнаго Богословія: *лже Богъ*

(1) Какъ въ святыхъ, Василій Великомъ, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и др.

очистились есмь, мы не смеерим (Дѣян. 10, 11-15). Знать, что всё и все, отчуждаясь от Христа Сына Божія, становятся чужды и любви Отца небеснаго, почивающей всею полнотою своею въ одномъ Смыслѣ и только ради Его простирающейся на міръ, и съ упорною жестокостію не хотѣть, по мѣрѣ вѣры своей, входить въ открытый намъ духъ любви Христовой къ гибнущимъ отъ заблужденій людямъ въ какихъ бы ни было ихъ средахъ,—было бы дѣломъ, очевидно, не христіанскимъ, покрайней мѣрѣ не православно-христіанскимъ.

Впрочемъ при неусгѣдимомъ, особенно въ наше время, разнообразіи отгѣнковъ въ возрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, вся надежда къ выясненію истины относительно какихъ бы ни было пререкаемыхъ предметовъ, остается въ той добросовѣстности и терпѣливости, съ которою читатель книги, затрудняясь (*) тою или другою стороною ея содержанія, не поспѣшитъ отбросить книгу, а потрудится вникнуть во все ея содержаніе. Любовь къ истинѣ, любовь къ людямъ, которымъ всѣмъ нужна истина,—достаточна, кажется, для поддержки въ комъ бы ни было добросовѣстной терпѣливости при чтеніи книги.

Архимандритъ Феодоръ.

(*) Инико, можетъ быть, болѣе всего затруднить встрѣчающаяся во мѣстамъ (особенно въ «третійхъ письмѣ») отчасти и отъ трудности предмета, главнымъ же образомъ конечно отъ недостатковъ писателя, нѣкоторая *неудобообразумительность*.—Случилось не такъ, что этотъ недостатокъ усилился опечатками, въ которыхъ нани довольно важны; но это послѣднее затрудненіе легко устранить всматриваясь въ концѣ книги на «исправки опечатокъ». Вообще же: несовершенное у одного, только бы принадлежало къ нулевой всѣмъ истинѣ, можетъ утѣшать другой....

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вы не разъ публично выразали сильное желаніе, чтобы читатели ваши сообщали вамъ свои мнѣнія о сочиненіяхъ вашихъ. Вы говорили, чтобы въ такомъ случаѣ они писали просто, безъ излишней заботы о слогѣ, имѣя въ виду одно—сдѣлать мысль свою совершенно понятною. Потому я, одинъ изъ вашихъ читателей, и рѣшаюсь сказать вамъ свои мысли, касательно послѣдняго вашего сочиненія: «Переписки съ друзьями»; буду по возможности говорить просто и прямо. И такъ какъ послѣднее ваше произведеніе уже стало достояніемъ публики: то признаю приличнымъ и говорить о немъ съ вами открыто предъ публикою. Да и въ самомъ дѣлѣ, нужно заботиться, чтобы твореніе, изданное въ свѣтъ, было понято всѣми въ своемъ истинномъ значеніи. Не беру на себя быть удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ истолкователемъ вашей послѣдней книги. Довольно будетъ съ меня, если бы только отчасти сумѣлъ я дотронуться до той великой и живой мысли, которая васъ одушевляетъ и столь чудно выразилась въ вашемъ послѣднемъ сочиненіи. Довольно, если бы удалось мнѣ хотя указать точку, съ которой надобно смотрѣть на васъ. Иногда, тоже самое, что многимъ кажется или страннымъ, или прямо недостаточнымъ,—оглянутое другимъ, не предубѣжденнымъ взглядомъ, представляется въ новомъ, уже прекрасномъ, свѣтѣ. Какъ бы то нибыло—мнѣ хочется сказать вамъ, какъ понимаю я васъ. Кому не доведись—крайне тяжело быть непонятымъ, и особенно тѣмъ, для кого онъ трудится, кого обнимаетъ любовію такъ, что плачетъ о ихъ горѣ, болитъ ихъ болѣзней и радуется объ ихъ добрѣ прямо, какъ о своей драгоцен-

ной собственности. Потому хотѣлось бы мнѣ такъ сдѣлать то дѣло, за которое берусь, чтобы вы сказали обо мнѣ: «онъ своею душою, хоть отчасти, хотя немного понимаетъ меня». Сказать это, не мало не будетъ гордо съ вашей стороны; потому что и всѣ-то мы другъ друга понимаемъ развѣ отчасти.

Думаю я свою критику о васъ, или какъ угодно проще назовите мое дѣло, сдѣлать такимъ порядкомъ: сначала изложу въ общей связи или въ общей системѣ ваши мысли въ «Перепискѣ».

Вы писали здѣсь большею частію письма, къ разнымъ лицамъ, но разнымъ случаямъ: потому у васъ мысли необходимо разбросаны,—въ одномъ письмѣ указана только одна сторона предмета, другая сторона—раскрывается въ иныхъ письмахъ и проч. Но понять васъ нельзя иначе, какъ представляя всѣ эти разсѣянные мысли, или по крайней мѣрѣ, болѣе существенныя и основныя изъ нихъ въ общей связи. Иначе, пожалуй, найдемъ въ нихъ много несообразностей, противорѣчій; пожалуй, все покажется извѣстными намъ, перетверженными, и уже оставленными общими мѣстами, скучною и лицемерною моралью, надмѣнными поученіями свѣтскаго человѣка.... и чѣмъ намъ не покажутся ваши «выбранныя мѣста изъ Переписки», если не подведемъ подъ общій взглядъ всѣхъ вашихъ разрозненныхъ мыслей? Потому первымъ дѣломъ моимъ будетъ сказать, какъ понимаю вашу систему мыслей, которая только изложена не систематически, а по разнымъ отдѣльнымъ статьямъ и письмамъ.

Далѣе попытаюсь показать отношеніе послѣдняго вашего сочиненія къ прежнимъ. Дѣло и всякаго человѣка, особенно если онъ не безхарактеренъ, не легкомысленъ—словомъ хорошій дѣлецъ, трудно понимать безъ соображенія всего извѣстнаго о его дѣятельности. Ваша же «Переписка съ друзьями» составляетъ тайну, неразрѣшиму для многихъ, именно при сличеніи этаго сочиненія съ прежними.

Наконецъ попытаюсь сдѣлать и сужденіе объ образѣ мыслей и направленіи вашемъ, выраженномъ въ послѣднемъ сочиненіи. Осмѣлюсь, хоть въ общихъ чертахъ, раскрыть ту неизблемую, саму по себѣ, систему, которая, здравые умы торжественно илѣбняетъ въ послушаніе себѣ, а упорно заблуждающихъ излагаетъ,—систему самой истины: въ этой системѣ имѣетъ твердое основаніе для себя ваша система мыслей; и предъ нею же, съ другой стороны, обличатся, если есть, и всѣ недостатки, всѣ недосмотры въ вашемъ образѣ мыслей.

Для васъ, конечно понятны и просты мои слова. Но со стороны мо-

гутъ перетолковать меня, могутъ замѣтить, что или я высокопарно выразился, или хочу все дѣло, касательно васъ, рѣшить бумвою положительнаго закона, или берусь за огромный трудъ не по силамъ своимъ и не по призванію. Нѣтъ! система, которую имѣю въ виду, есть не мертвая, только стѣсняющая и убивающая буква закона; напротивъ она есть вся—духъ и живая истина. Что въ насъ же самихъ есть духовнаго и живаго, все это утвердится на ней; вся дѣйствительность, вся исторія человѣчества есть выраженіе и развитіе этой системы, только здѣсь, система развивается не на словахъ, а въ фактахъ—въ событіяхъ и судьбахъ рода человѣческаго. Потому, сколько бы ни было высоко слово и выраженіе о такой системѣ, это слово и выраженіе не будетъ высокопарно или надуто. И я берусь сдѣлать только малый, ничтожный опытъ раскрыть эту систему въ ея свѣтѣ. Не въ какойнибудь литературной статьѣ или въ двухъ-трехъ статьяхъ можно изложить ее вполне, но она должна бы развиваться во всѣхъ наукахъ, въ жизни каждого, и все еще не исчерпается она. Мнѣ нужно раскрыть ее только по отношенію къ образу мыслей, выраженныхъ въ вашей «Перепискѣ съ друзьями». Всѣ недостатки и недосмотры, какіе допущу въ предпринятомъ дѣлѣ, составятъ только мою вину. Даже и ваше сочиненіе отъ того не можетъ потерпѣть. Тѣмъ болѣе истина, во имя которой желаю дѣлать свое дѣло, останется всегда истинною, торжествующею и неизблемою, при всѣхъ нападеніяхъ на нее лжи, при всей слабости и недостаткахъ самыхъ ея поборниковъ.

Примемся за самое дѣло.

Мысли въ вашей «Перепискѣ съ друзьями», какъ онѣ по вѣщному виду ни разбросаны и ни разсѣяны въ письмахъ, имѣютъ строгую, внутреннюю связь и послѣдовательность, а потому представляютъ стройное цѣлое. Во всемъ составѣ вашихъ мыслей легко различить три отдѣла: первый составляютъ общія и основныя мысли—о бытіи и нравственности, о судьбахъ рода человѣческаго, о церкви, о Россіи, о современномъ состояніи міра и проч.—мысли второго отдѣла касаются искусства и въ собственности поэзіи, и наконецъ третій отдѣлъ состоитъ изъ нѣкоторыхъ личныхъ объясненій вашихъ о себѣ, о сочиненіяхъ вашихъ, объ отношеніи вашемъ къ публикѣ, и пр. Отзывы ваши лично о себѣ объясняются изъ вашихъ мыслей объ искусствѣ и поэзіи,—а эти послѣднія имѣютъ основаніе свое въ вашемъ взглядѣ вообще на бытіе и жизнь. Буду излагать ваши мысли, по возможности, вашими же словами.

Въ мірѣ и жизни вы смотрите, или желаете смотрѣть на все въ соприкосновеніи съ Богомъ, который Одинъ возноситъ и выводитъ все изъ глубины ничтожества, Который есть Отецъ всѣхъ и сама любовь, соединяющая всѣхъ союзомъ самаго близкаго и прекраснаго родства, Который одинъ подаетъ мудрость, долженствующую просвѣтить всего человѣка, умъ и сердце и открыть въ немъ новую, небесную жизнь, Который столько великъ, что отъ одного живаго прикосновенія къ Нему мысли, объемлетъ душу благоговѣйный ужасъ, что при одномъ предслышаніи величія только высшихъ духовныхъ твореній Его представляется пылью все земное величіе. Во всѣхъ вещахъ и обстоятельствахъ въ мірѣ видите вы Его творческую, промышленную руку. Во всемъ осуществляется Его воля, заранѣе все предназначающая и въ настоящемъ уже полагающая живыя семена будущаго; все живое есть дѣло и отраженіе Его любви, а человѣку кромѣ того дано самому входить въ эту Его любовь и дѣтски испрашивать у Него все благопотребное и въ земномъ мірѣ и въ небѣ. Умѣть бы только на все смотрѣть въ такомъ соприкосновеніи съ Богомъ, тогда во всемъ можно открыть мудрое значеніе, всякое твореніе явится прекраснымъ, всѣ событія будутъ внушать трепетное благоговѣніе къ Промыслу и давать духу прозирать въ настоящее, отчасти и въ будущее.

И такъ вы оптимисты? На все смотрите въ радужномъ свѣтѣ? Нѣтъ; нѣтъ, кажется столь хорошо, какъ Вы, не видѣль и дурной стороны въ человѣкѣ и въ мірѣ. Зло духовное, пороки, вы понимаете и изображаете во всей его гнусности и ядовитости, знаете, что мы такъ и родимся съ этимъ смертоноснымъ зломъ, что область и дѣйствія его въ мірѣ нашемъ обширнѣе области добра и чистоты духовной. Вы называете служителей добра *избранными*. Видите вы и прекраснаго, но дремлющаго молодого человѣка: видите какъ несетъ и несетъ его ничтожная верхушка свѣта, несутъ обѣды, ноги плясавицы, ежедневное, сонное опьяненіе; видите, какъ онъ нечувствительно облекается плотію и стагъ уже весь плоть и уже почти нѣтъ въ немъ души.... Видите и вѣдму—старость, идущую незамѣтно къ такому человѣку, которая вся изъ желѣза, передъ которою желѣзо милосердіе, которая ни крохи чувству не отдаетъ назадъ и обратно. Вы видите дѣльныхъ людей, но предавшихся унынію, которое дѣлаетъ человѣка дрянью во всѣхъ отношеніяхъ,—имѣли дѣло съ такими людьми, у которыхъ много прекрасныхъ свойствъ, но которые по недостатку крѣпкой воли и власти надъ собою нахо-

дятся въ опасности погубить всё достоинства свои въ безпорядочности дѣлствій и сдѣлаться на концѣ олицетворенными безнліями. Указываете живо на лихоница и на его проклятую роскошь, и на его жену, погубившую щегольствохъ и тряпками и себя и мужа, и даете чувствовать всю презрѣнность порога ихъ богатаго дома, гнусность самаго воздуха, которымъ тамъ дышать. Особенно глубока и точна вашъ взглядъ на общую почти язву новаго времени—гордость и нравственною чистотою своею и особенно умомъ,—гордость, чрезъ которую, неминуемо и болѣе нежели чрезъ что другое, отпадаетъ человекъ отъ Бога любви, расторгаетъ всё связи любви, убѣгаетъ даже отъ самаго себя, прямо въ руки къ сатанѣ, отцу самонадвѣянности. Вы знаете, какъ, потому, при всѣхъ мечтательно-высокихъ замыслахъ гордаго человека, далеко отъ его мысли освященіе небесное, какъ, при хвастливыхъ порывахъ къ добру, такой человекъ не умѣетъ сдѣлать прочнаго и истиннаго добра, какъ въ умныхъ, повидному, прозѣтахъ его болѣе боязни какаго то зла, угрожающаго въ будущемъ, нежели предусмотрительности и свѣтлаго, бодрого взгляда впередъ. Вы знаете, какъ этотъ гордый человекъ, при всѣхъ притязаніяхъ своихъ на благородство и человеколюбіе, безчувственно отрѣкается отъ братства съ человекомъ, оскорбившимъ его даже малѣйшей насмѣшкой надъ умомъ его, съ человекомъ, несогласнымъ съ нимъ въ какихъ нибудь ничтожныхъ, человѣческихъ мнѣніяхъ, для страдающимъ виднѣе другихъ тяжелыми ранами своихъ душевныхъ недостатковъ. Вы примѣтили, что гордый человекъ во всемъ усомнится, въ сердцѣ человека, котораго онъ нѣсколько лѣтъ знаетъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, только въ себѣ, или въ умѣ своемъ не усомнится. Вы хорошо видите, какъ этотъ же самый гордый человекъ, не менѣе, какъ и лихонмецъ, съ своею, живущей для одного щегольства женою, не менѣе, какъ и тотъ несчастный, кого несутъ далѣе и далѣе отъ берега ноги плаваницы и постоянное опьяненіе,—боится несполнить малѣйшее приказаніе внѣшнихъ прищій и моды, дрожа предъ нею, какъ робкій мальчишка. Чувствуете вы, что при повсюдномъ почти развитіи зла начинается исчезать свобода въ ея истинномъ значеніи; человекъ обратилъ себя въ подлое подножіе всего и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ.... И непонятною тоскою, говорите вы, уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ и возрастаетъ только въ виду всѣхъ, одинъ исполнскій образъ скуки.... Слышите, какъ раздаюся волны стра-

данія человечества, какъ мечется бѣдный человекъ, не зная самъ какъ и чѣмъ себѣ помочь; всякое прикосновеніе къ его исцѣленію—уже жестое разболѣвшимся его ранамъ.... А какъ вы понимаете и живое по собственному опыту чувствуете дѣйствіе другого рода,—бѣдствій физическія,—эти первическіе недуги, въ которыхъ все тѣло, до послѣдней частички, болитъ; эти припадки агоніи, жизненнаго огнѣненія, въ которомъ и живой замираетъ до того, что сердце и пульсъ перестаютъ биться! Какъ понимаете вы бѣдствія еще иного рода, тяготѣющія часто даже надъ избранною частію рода человеческого, когда человекъ съ нѣжною истинно благодарною душою терпитъ грубыя обвиненія, терпитъ презрѣніе отъ презрѣнныхъ,—человекъ съ возвышенными чувствами живетъ среди грубыхъ, неуклюжихъ людей, которыхъ уже одно безчувственное прикосновеніе въ силахъ разбить даже безъ ихъ вѣдома лучшую драгоценность сердечную, медвѣжьей лапою ударить по тончайшимъ струнамъ душевнымъ, даннымъ на то, чтобы выразить небесные звуки, разстроить и разорвать ихъ и проч. и пр!.. Кто такъ поразительно и глубоко проникалъ въ эту могильную, страшную пустоту міра, въ которой, если и очутится что живое, становится еще страшнѣе отъ раздирающихъ воплей жертвы?... Съ намѣреніемъ распространился я объ этомъ вашемъ, столь широкоемъ взглядѣ на пустую, мертвую сторону бытія и жизни.—Гдѣ выходъ изъ этой могилы? Теперь, по-видимому, для васъ въ мірѣ все черно и пусто, также какъ прежде вы показались—было оптимистомъ. Гдѣ примиреніе этихъ столь несовѣстныхъ противорѣчій?

«Въ день Воскресенія Христа, отвѣчаете вы, нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей; но всѣ люди братья той же семьи и всякому человеку нима брата, а не какое либо другое. Въ этотъ день разошедшіеся люди скликаются вмѣстѣ, дабы каждый взглянулъ въ этотъ день на человека, какъ на лучшую свою драгоценность, такъ обнялъ и прижалъ его къ себѣ, какъ благороднѣйшаго своего брата; такъ бы ему обрадовался, какъ бы своему наилучшему другу, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не выдался и который неожиданно къ намъ приехалъ. Еще сильнѣе, еще больше! потому что узы, насъ съ нима связывающія, сильнѣе земнаго кровнаго нашего родства, и породившіе насъ съ нима по нашему Прекрасному Небесному Отцу, въ нѣсколько разъ ближайшему нашего земнаго отца и день этотъ нима въ своей истинной семьѣ, у Него именно въ дому. День этотъ есть тотъ святой день, въ который празднуетъ святое, небесное свое